

Вадим АБДРАШИТОВ, режиссер:

История чувств — вечный материал

Кинорежиссер Вадим Абдрашитов завершает очередную, одиннадцатую свою картину — «Магнитная буря». Ее сценарий, как и всех десяти предыдущих работ Абдрашитова, написал Александр Миндадзе. Это история столкновения молодых людей из российской глубинки с бурями века.

Известия - 2003 - 5 апр - с. 13

Георгий МЕЛИКЯНЦ

Герои фильма — молодые. Мужа играет Максим Аверин: дебют в главной роли. Жена — уже заявившая о себе Виктория Толстоганова. Живут молодые в небольшом городе. Работают на одном металлургическом комбинате, который уже полгода стоит. Люди столько же не получают зарплату. Иногда не хватает даже на еду. Но в присутствии любви все можно пережить. Пока не случается очередной передел собственности. Делят наверху, а внизу все бурлит: кто за новых хозяев, кто за старых — люди раскололись, и не объяснишь, почему ты в этом лагере, а не в противоположном. Мозаика отношений и ситуаций порождает ощущение магнитной бури. Это когда человек странно себя чувствует, а врачи успокаивают: «И что вы хотите? Магнитная буря».

— **Сюжет фильма полностью выбивается из господствующего круга тем. Совсем нет криминала?**

— Нам это не интересно. Картина короткая, час двадцать пять минут, для криминала нет места. Действие охватывает лишь три дня в жизни героев. И уже потому все лишнее противопоставлено.

— **Нет ли у вас опасения, что люди не захотят смотреть фильм, рассказывающий об их собственной жизни?**

— Не опасюсь. Дело у нас не в том, что не платят зарплату, а в том, что происходит в человеке, когда вокруг все не по-человечески. Магнитная буря. Но мы не прописываем лекарства от нее. И не стараемся «раскрывать социальные процессы». Рассказывается всего лишь история любви в непростое время. Не история времени, какое-то мы изменить не в состоянии, а того, с чем встречается в этом времени любовь, — размолвки, предательство, примирение. И сила верности. История чувств — вечный материал, ради которого зритель и ходит в кино.

— **Как вам работало? Со всех сторон слышишь: денег нет, того нет, этого мало...**

— После фильма «Время танцора» (1997 год) я не снимал пять лет. Половина этого срока ушла на проект, который пришлось отложить из-за его высокой стоимости. Но с этой последней картиной все получалось: и деньги нашлись, и вопросы решались быстро, спасибо Министерству культуры. Через полгода подготовки начали снимать.

— **Почему вас потянуло на завод?**

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

— Не на завод — к людям. К истории любви, замечательно описанной Александром Миндадзе. Но и с заводом было интересно встретиться. Нынешний завод — это уже все, все другое.

— **И кинематограф не стоял на месте, впитал много нового...**

— Простите, не понял: что впитал в себя кинематограф? В частности, отечественный? Если имеется в виду снятие табу на некоторые темы — это не впитывание. Обычная конъюнктура. Впитывание — взаимное оплодотворение культур, их диффузия. Я даже не сказал бы, что развязывание рук художника, отмена цензуры в нашей стране сильно подняли уровень творческих достижений. Подъем

происходит, когда художник работает в окружении высоких образцов. Четыре-три десятилетия назад у нас в Москве практически раз в месяц в Доме кино шел новый замечательный фильм. Авербах, Шепитько, Клепиков... Что номинировалось и кто получал тогда «Оскары»? «Полет над гнездом кукушки», «Кабаре» — великие картины. А сегодня во всех номинациях — «Титаник».

— **Это плохо?**

— Это данность. Режиссеры видят, что «Титаник» собрал мешок «Оскаров», и стараются снимать похоже. То есть приближаясь к достигнутому уровню кинопроизводства, маркетинга, аттракционов с водосбросами, технических ухищрений. Но искусство здесь ни при чем.

— **Вы тоже считаете, что кино в кризисе?**

— Односложно не ответишь. Если говорить о кризисе отечественного кино, то он прежде всего в нынешнем году Министерство культуры увеличило так называемую господдержку почти вдвое: значит, деньги все-таки находятся. Что же касается нехватки художественных достижений, то кризис тут не только наш, отечественный, а общемировой. И не столько одного кино, сколько всего искусства. Часть более широкой проблемы, связанной с развитием цивилизации, вектор которой, как ни парадоксально, всегда противоположен вектору развития искусства.

— **В том смысле, что прогресс приводит к расцвету стандартизации, к усреднению любого товара?**

— И соответственно к усреднению потребителя. Сегодняшний фильм обязан быть равно понят и в Сыктывкаре, и в Нью-Йорке, и в Париже. Потому что он должен быть продаваем. Чтобы сделать его лучше продаваемым, сознательно усредняют и его потребителя. Делается это с помощью массовой культуры, у которой для этого есть богатый арсенал средств. В России это сейчас ясно видно. И приходится признать: интересы цивилизации и культуры, в том числе искусства, далеко не всегда совпадают. И «Титаник» — типовой пример универсального продукта. В мире собраны колоссальные

деньги, в свою очередь, обязанные делать новые колоссальные деньги. Слава богу, есть и, наверное, еще будут в этом океане встречаться островки настоящего искусства — оно неистребимо в силу своей генетики. «Восемь с половиной» Феллини за все годы существования не собрал столько денег, сколько «Титаник» за один год. Но если Феллини — на все времена, то сегодня — время «Титаника».

— **Что же делать?**

— Если Бог кого-то чем-то отметил, делай то, что умеешь, что хочешь и как ты это понимаешь. Время тебя или осудит, или вознесет.

— **Приходится, однако, слышать: не следует усложнять проблему, у нас, мол, достаточно с умом реформировать Союз кинематографистов.**

— К тому, о чем мы говорим, союз не имеет никакого касательства. В социальном отношении он делал для работников кино не так уж и много, а в творческом... Ну, устраивал дискуссии, устанавливал рамки. Но всегда находился Идущий не в ногу, он-то и двигал кино. Искусство не сообщество членов союза, а братство художников, часто даже не представленных друг другу. Мне, например, вполне хватило бы профсоюза кинорботников. И чтобы государство наше и общество чуть больше любили кино. Потому что и кино, и вообще искусство и культуру без серьезных усилий государства сохранить нельзя. Тут есть что делать и обществу, и власти.